

В. Г. Белинский

**Искатель сильных ощущений.
Сочинение Каменского**

Виссарион Григорьевич Белинский

Искатель сильных ощущений.

Сочинение Каменского

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2857585*

Аннотация

«...Понимаете ли вы хоть что-нибудь в этом сумбуре слов, выражений, восклицательных знаков и точек несчастного, «разочарованного» Энского, который гоняется по свету за «сильными ощущениями»?.. А между тем автор умел придать призрак какой-то связи этой куче мусора, этой луже фраз, умел придать этой галиматье какой-то кажущийся, внешний смысл, даже, с первого раза и для неопытнейшего взгляда, что-то похожее на мысль...»

Содержание

Примечания

19

Виссарион Григорьевич Белинский Искатель сильных ощущений. Сочинение Каменского

*ИСКАТЕЛЬ СИЛЬНЫХ ОЩУЩЕНИЙ.
Сочинение Каменского. С-П. бург. В тип. А.
Смирдина. 1839. Три части. В 12-ю д. л. В I-ой – 310,
во II-й – 256, в III-й – 251 стр.*

Известность, которую успел приобрести себе г. Каменский в очень короткое время и немногими сочинениями, свидетельствует о несомненности и силе его поэтического дарования. Это известно и публике, которая читала его прекрасные повести, и критике, которая внимательно следила за развитием его таланта; – мы первые всегда отдавали ему должную справедливость. И вот, не оставляя повестей, г. Каменский принялся за роман и теперь издал его. Говорят, что кто-то поставил г. Каменского наряду с гениальным Сервантесом, а его роман с бессмертным «Дон Кихотом»;¹ мы не

¹ Об «Искателе сильных ощущений» Каменского Полевой писал в «Сыне отечества» (1839, № 9, отд. IV, с. 46): «Мы не станем сравнивать сочинения г-на Каменского с бессмертным творением Сервантеса, но скажем, однако же, что стре-

так щедры на похвалы, но зато похвалы наши искреннее и справедливее. В самом деле, г. Каменский напал на счастливую идею: осмеять в сатирическом романе наших доморощенных Чайльд-Гарольдов этих байроновских Хлестаковых, с вечным неудовольствием на действительный мир, вследствие своей внутренней ничтожности, с вечною ненавистию к человечеству и людям, которые не хотели им удивляться; с громкими и бессмысленными фразами на языке и с пустою в голове, в которой «только – фэй – посвистывает»². И поэтический талант г. Каменского блестящим образом воспроизвел эту счастливую идею в истинно художественных формах³. Герой его романа, Павлик Энский, – настоящий Хлестаков, то есть человек, которому «скучно на свете», потому что он, от нечего делать, «хочет заняться чем-нибудь высоким, а светская чернь его не понимает»⁴, и который поэтому поехал на Кавказ за *сильными ощущениями*, насмотрелся и наслушался там разных глупостей, и сам наделал и наговорил разной высокопарной чепухи, на манер пестрого и калейдоскопического слога наших великих подражателей великому Марлинскому. У нас нет слов для выражения всей силы этого благородного юмора, – юмора желчного и беше-

лы нашего романиста метко попадают в цель».

² Слова Хлестакова в «Ревизоре» Гоголя, редакция 1836 г., д. IV, явл. 6.

³ Белинский, конечно, иронически переосмыслил роман: автор меньше всего ставил перед собой сатирические цели.

⁴ См. прим. 4 к рецензии на «Ледяной дом» и «Басурман» Лажечникова.

ного, ядовитого и тонкого, каким проникнута каждая страница, пропитано насквозь каждое слово сатирического романа г. Каменского. В лице своего героя, этого Дон Кихота современного общества, этого байроновского Хлестакова, Павлика Энского, он бичует тройным бичом из живых змей этих пустоголовых господ с вычурными фразами и громкими словами, этих маленьких бесенят с дьявольскими претензиями, которые успели во всем «разочароваться», не успев ничем очароваться; которые на все смотрят свысока, ничему не удивляются, ничему не верят, все презирают, потому что ничего не в состоянии понять; которые гонятся по свету за «сильными ощущениями», потому что внутри себя ничего не ощущают, вследствие своей пустоты и сухости; которые требуют тревог и опасностей, потому что неспособны ни к какому делу. Творец Павлика Энского казнит их насмешкою, надевает на их угрюмые и изрытые страстными гримасами рожи дурацкий колпак с длинными ушами и предает их на всеобщее посмеяние.

Чтобы наши похвалы не показались пристрастными, мы представим очевидные и неоспоримые доказательства, приведя места из самого романа г. Каменского. Есть вещи, которые говорят сами за себя. – Не будем пересказывать вам содержание романа: вы уже, верно, знаете его, а если не знаете, зачем же нам отнимать у вас наслаждение самим узнать его? Не будем следовать за Павликом Энским, как он родился «на берегу Волги, в стенах нового города Астрахани», как «до

мозолей играл с армянскими мальчиками *в альчики*» (вероятно, *в бабки*), как он в драках с ними «громче всех кричал им: «Армяшка куриная ножка»», как потом попался он к патеру Жозефу который из *Павлика* переименовал его в *Павлусы*; как он поступил в университет, где узнал – послушайте же, что он узнал:

Но Энскому наскучила наука; он узнал из нее не только то, что узнаем мы *все* с легкой руки Сократа, «что ничего не знаем», этого мало; нет, что есть вещи, которых никогда не узнаешь, и что желание знать, последовательное *дознание*, только что отодвигает иногда от цели, от истины, от существенного знания. *На рубеже жизни, глаз на глаз с вечностью, судьба, эта нянька ваша в этом мире*, все-таки скажет вам, да еще с усмешкой: «Дружок, ларчик-то просто отворяется, поди-ка ляг...» да и захлопнет крышку (ч. I, стр. 17)⁵.

Итак, подобно всем ограниченным и пустым людям, приписав науке и учению свое собственное бессилие для постижения истины, или, подобно всем *глубоко сатаническим* характерам, по следам одного опытного в «надувании» мужа, постигши, что ум просто – «надувает» людей, Павлик Энский отправился на Кавказ за «сильными ощущениями». И вот он уже по ту сторону Кавказа, в Тифлисе, и там нашел себе маленького Аммалат-Бека⁶, *красавчика*,

⁵ Здесь и дальше в цитатах курсивы принадлежат Белинскому.

⁶ Герой одноименной кавказской повести Марлинского.

и стал его образовывать и «разным наукам учить»⁷. Однажды Павлик Энский спросил у Мурата, своего воспитанника: сколько было мудрецов у древних?

– Семь; но отчего один из них был всех мудрее, – продолжал татарин, – зная, что ничего не знает? Мне право странно! Если так, то и я мудрец, потому что уж точно ничего не знаю; а как меня пугает это море незнания! В сравнении с тою каплей, с которою вы меня познакомили, – как она ничтожна!.. Все меня удивляет, останавливает, рождает эти тысячи вопросов, которыми я вам иногда наскучаю, не сердитесь на меня, Энский!.. Что мне эти книги, тетради, атласы, лексиконы? Как скучно в них рыться! какая тяжелая, утомительная работа! В тысячу раз приятнее слушать, когда говорите вы (*татарский вкус!*). Я люблю лучше живые книги... А как хочется все знать!.. Помните, вы читали мне «Искендера» Вельтмана: как высоко его желание сорвать солнце и звезды с неба, чтобы узнать то лоно, из которого свет истекает!.. Хочу все знать, Энский... хочу знать, кто сотворил все это? как? для чего?.. скажите мне... я не отыщу этого ни в одной книге, а если и найду, то не пойму. Читаю «Телеграф» и путаюсь (*есть где спутаться!..*) в его «Смеси»; повесть «Андрей Шенье» мне кажется *продолжением* «Введения в историю» Мишеле (гм!..); критика – началом камер-обскуры (*вот что правда – то правда!..*); все сбивается в моих понятиях и

⁷ Перефразировка слов Бобчинского о Хлестакове («Ревизор», д. III, явл. 5).

оканчивается тем, что я ничего не понимаю; а когда вы говорите – о! это другое дело!

И татарин бросился на шею Энского, ласкался к нему, целовал, увивался, как бы выпрашивал сластей или обновки. Энский встал, закурил трубку, прошелся раза три по комнате, лег на диван, закрыл лицо руками и задумался. Прошел час молчания.

– Любопытный азиатец! бешеный горец! все хочет знать... все... и вдруг... Поди сюда, Мурат; сядь тут, возьми лист бумаги и записывай все то, чего не поймешь. Ну, слушай... слушай!

Энский закрыл снова лицо руками и начал свою лекцию. – С первого взгляду на окружающие предметы человек должен был видеть, что все они произошли, сотворились. Первое, общее им всем свойство, которое должно было поразить его, есть происхождение, сотворение, переход от небытия, от несуществования к столь роскошному, разнообразному, столь деятельному существованию. Признак сотворения – вот мерило, которым человек обтекал поприще вселенной от Сириуса до песчинки, праха, им попираемого. Все слилось для него в один общий знаменатель – сотворение. Ответ на вопрос: все ли творилось, звучал в целой цепи мироздания – и в стройном движении светил небесных с их системами и в борении стихий планетных, и в свисте вихря, и в плеске воли, и в порывах пламени, и в стройном чине царств природы, и в сочетании духа с телом, все говорило ясно, все отвечало: «Меня

сотворили!» Внимая лишь общему, торжественному голосу природы о происхождении, прислушиваясь к дивным звукам ее присутствия (Daseyn), бытия, рассматривая идею сотворения, человек удовлетворял лишь своему любопытству, тешил его явлениями, как игрушками; раздраженная любознательность толкнула его дальше, он захотел знать, отчего все это? откуда оно? кто причина этих явлений? кто первый нумен всех феноменов? Кто сотворил все это?.. Разрешая вопросы то аналитически, то синтетически, восходя или нисходя, двигаясь от периферии к центру или от центра к периферии, действуя то умозрительно, то эмпирически, он добился, дошел, хотя различными путями до одного начала, назвав его и богом, и началом всех начал, и высшею интеллигенцией. Рассматривая свойство бога, силы предвечные, он стал приспособлять их к сотворенному, начал разрешать вопрос, каким образом все сотворилось. Отсюда ряд предположений о процессе творения, ряд космогоний. Всякому предмету есть назначение, всякому явлению есть цель – какая же цель творения?.. для чего сотворено все?

– Шекспир написал Отелло: ревнивая любовь, как ворон Прометея, клюет, терзает сердце человека; он написал Лира: любовь отца точит ум и сердце человека до безумия; он написал Макбета: жажда власти сжигает пятна крови на сердце человека – сердце человека было типом его фантазии, он не сходил с него, как пена с Терека в Дарьяле, – словом, Шекспир во всю жизнь лишь перетворял в образах поэтических одно и то же

сердце человека, и в них, как в зеркале, любовалось его сердце, то положительно, то от противного. Такова идеальная цель созданий поэта.

– Микель-Анджело взлетел до идеи великого, божески высокого своим куполом св. Петра; тысяча жизней человеческих висит на капителях колонн, поддерживающих его исполинский свод. «Это... сделал... я...» – говорил он сам себе, – это земля, прах, наслаждающийся возможностью подняться к небу... Так и для того творит зодчий.

– Не думаешь ли ты, что какой-нибудь Моцарт, летая на крыльях мощного своего гения в мир звуков, прислушиваясь к ним, выбирал любые, похищал их и наконец проявлял в божественной гармонии для того, чтобы толпа сказала: «Как это хорошо, приятно для слуха!» Вздор! «Отделюсь от тела, полечу на лоно беспредельности, вкушу заранее бессмертие; мне мало этой земной жизни, хочу небесной; я частичка этого всемогущего духа; – звуки мои, дети мои! несите меня туда...» Так мечтал, для того творил Моцарт своего Дон-Жуана, свой Requiem...

– А Рафаэль?

– Взял кисть и начертал —

И целый мир с немым благоговеньем
Пред образом пречистой девы пал!

«Мадонна мое создание, – говорил он, – падайте ниц перед торжеством искусства!»

Восторженный Энский вскочил; ему было все равно, слушают ли его или нет.

– Полубоги земли, – продолжал он, – восхищаясь вашими творениями, я пытался проникнуть в святилище неземных подвигов, в сокровенные рабочие палаты гения и мнил, что угадал цель ваших творений. Бог – это целое вашей половины, поведавший вам законы, приемы творения, не так ли же, не для того ли же и сам творил; отделив часть бытия своего, он проявил ее в материи, он затрубил ее в эфир, он очертил ее в сферы, он двинул силами и теперь, восседая на лоне своей предвечности, он живет, любуясь, наслаждаясь сознанием себя в сотворенном, сознанием родства сотворенного с ним. Он также вещает: «Это мое», но в то же время ощущает, что оно несходно с ним: «Я не таков... велик я, всемогущ, предвечен, беспределен я дух, – а это!..» Но всмотришь, что сделал он, чтоб жить, наслаждаясь таким образом? Свое мощное слово, это идеальное зерно творения, он загрубил до материи, – понимаешь ли этот высокий акт самопожертвования?

– И все великаны земли не то ли же делают, желая любоваться собой в своих созданиях, желая жить этой идеально эгоистической жизнью: они по необходимости должны искать средства в вещественном мире и, проявив ими свои идеи, по необходимости должны делиться с нами своими восторгами, вдохновениями. Они жертвуют собою, и самопожертвование идет рядом рука об руку с творением. Не другие составляют средство или орудие

их наслаждения – они сами.

Энский замолчал и в сильном волнении стал ходить по комнате. Татарин продолжал марать бумагу, задумался, приставив палец ко лбу, кривлялся, щипал перо; короче, показывал ясно нетерпение азиатца добиться в чем-нибудь толку.

– Покажи, Мурат, что заметил ты, – сказал Энский, вдруг остановившись перед ним: – ты многого, я думаю, не понял?.. Что это?.. Два листа кругом! Это все, что я говорю?.. Ты ничего, стало быть, не понял?

– Ничего, – смиренно отвечал воспитанник.

– Глупец я! – закричал Энский и с смехом упал в кресла. – Бедный, жалкий Мурат! я дал слишком сильный прием моей философии, и, вместо исцеления, ты захворал еще больше. Ха, ха, ха!..

– Я не виноват, – отвечал жалобно горец.

– Знаю, знаю, мой милый Мурат: я виноват, я смешон, я чужак, – я набиваю тебе голову бог знает чем; философия! Ха, ха, ха!..

И Энский снова смеялся от души над собою и затруднением, в которое ставил своего воспитанника.

– Садись лучше писать под диктовку, Мурат: это будет полезнее, ты так плохо знаешь русскую орфографию. – Мурат сделал кислую рожицу.

– Что, не хочется?

– Послушайте, Энский, по крайней мере диктуйте из маленькой книжечки, – вот этой зелененькой.

– Хорошо, подай ее... Пиши:

«Не всегда нужно, чтобы истина осуществлялась,

делалась осязаемой, и того довольно, если она, как дух, витает кругом нас и напутствует гармонии, подобно звону колокола, с какою-то важностию и вместе с отрадою раздающемуся в воздухе».

– Это что-то непонятно, как ваша философия.

– Пиши дальше:

«Надуть не значит еще играть на флейте: тут нужно двигать пальцами...»

– Правда это, Мурат?

– Можно и двигать пальцами, а все-таки не играть...

– Пиши:

«Лучшая сторона истории – это энтузиазм, которой она возбуждает».

– Правда! правда! – закричал Мурат. – Я ли читаю, вы ли мне читаете историю, я становлюсь рука об руку с героем и совершаю с ним подвиги; за то я люблю ее более всего!

– Пиши:

«Когда я заблуждаюсь, может каждый заметить; когда лгу – нет»

– Это что-то нечисто.

– Да верно... Пиши:

«И волосок бросает тень».

– А горы... о, родина!.. есть где укрыться в тебе...

– Экая кровь! экое племя! Пиши, пиши, Мурат:

«Перед бурей, в последний раз взлетает пыль, но для того, чтобы после надолго улечься».

– Точь-в-точь, как наши восстания...

«Кто не знает чужих языков, тот не знает своего».

– Слышишь ли, Мурат?

– Да, когда между ними есть что-нибудь общего, а чеченский и, например, французский, которому вы меня учите...

– Опять рассуждения...

«Стучит в стену молотком и думает, что ни раз, то по шляпке гвоздя...»

– Глупый человек! – сказал улыбнувшись татарин.

– Пиши:

«Учителями нашими зовем мы тех, у которых постоянно учимся; но не все те, у которых учимся, имеют право на эту кличку...»

– Что? что?

– Довольно! довольно! будет писать; подай тетрадку. Какая бездна ошибок и самых непростительных! (стр. 70–83. Ч. I).

В самом деле, довольно! Просим извинения и у «почтеннейшей» публики и у талантливой автора за эту длинную выписку, которая была необходима. Вот уж подлинно «как заговорит о сотворении мира, так волосы дыбом станут», по словам Тяпкина-Ляпкина в «Ревизоре»...⁸ Вот истинная лекция «о проницаемости природы и склонности человека к чувствам забвенной меланхолии!..» Понимаете ли вы хоть что-нибудь в этом сумбуре слов, выражений, восклицательных знаков и точек несчастного, «разочарованно-

⁸ Неточно цитируются слова городничего из «Ревизора», редакция 1836 г., д. I, явл. 1.

го» Энского, который гоняется по свету за «сильными ощущениями»?.. А между тем автор умел придать призрак какой-то связи этой куче мусора, этой луже фраз, умел придать этой галиматье какой-то *кажущийся*, внешний смысл, даже, с первого раза и для неопытнейшего взгляда, что-то похожее на мысль. И вот в этом-то умении мы и видим его юмор, его иронию: сделай он все это бессмыслицею, бросающеюся прямо в глаза, – и тогда из сатиры вышла бы карикатура, из художественных образов размалеванные рожи, – и его цель не была бы достигнута. Но он поступил в этом так искусно, что, мы уверены, многие не почтут его романа за злую сатиру; но, в простоте сердца, примут его в самом деле за действительное изображение «сильных ощущений».

Впрочем, мы не можем не заметить автору и его недостатков, которых он очень и очень не чужд. Увлечшись духом сатиры и юмора и слишком углубившись в объективное изображение словесной и деятельной фразеологии, он иногда и от себя пишет почти таким языком, каким говорит его герой Павлик Энский. Недостаток, очень понятный и очень извинительный в молодом авторе, еще не успевшем вполне овладеть объективным миром! Да и вообще слог г. Каменского, как это и прежде мы замечали ему, бывает иногда уж очень кудреват, а местами даже и изыскан. Еще сделали бы мы замечание, если б не боялись промахнуться, – это о стихах, которых в романе г. Каменского очень много. Неужели, например, вот и это стихи:

Но люди, люди, приглядитесь,
Чему смеюся я?..
Смеюсь ли я, как человек,
Иль вслушайтесь в безумца смех! —
И подивитесь,
Не иссушили меня слезы,
Так может быть захохочусь,
Так может в смехе напрягусь,
И разорву мои железа,
Как вырывает цепь безумец из стены?.. (Ч. I, стр. 307).

Может быть, остроумный автор включил такое множество стихов для полноты сатиры, намекая на «Аммалат-Бека»; но стихи в этой повести, хотя и Марлинского, прекрасны и полны истинной поэзии... Впрочем, эти стихи недаром, не без какого-нибудь умысла... А! да это из письма «разочарованного» Энского, который порет дичь в огромных письмах к другу своему Леониду, который тоже страдает «разочарованием» и несет ужасную чепуху.

Мне изменила Каролина, мой тип Брюно, хочу быть корсером. Мойка! вырвись из берегов твоих, разлейся катаклизмом, затопи это человечество, *взбури*сь океаном, съединись с вечным морем и на волнах твоих унеси меня туда! туда! туда?!?!?!...!...! (Ч. I, стр. 305–305).

Кто это так кричит и бредит такую восторженную галима-

тьею? – Все он же, все Энский же.

От души поздравляем русскую публику с романом г. Каменского, как с приятным подарком, который доставит ей много сладостных минут. Он заставит содрогаться и плакать от ужаса и других «сильных ощущений» тех, которые простодушно примут роман за действительное выражение «сильных впечатлений», – и заставит до слез хохотать тех, которые поймут тайную мысль романа и истинную цель автора; следовательно, те и другие останутся довольны, а это главное для полного успеха...

Примечания

Искатель сильных ощущений. Сочинение Каменского (с. 504–510). Впервые – «Отечественные записки», 1839, т. VII, № 12, отд. VII «Современная библиографическая хроника», с. 15–23 (ц. р. 14 декабря; вып. в свет 15 декабря). Без подписи.

Авторство устанавливается на основании письма Белинского к Боткину от 3–10 февраля 1840 года. «Чтоб узнать, что такое русская читающая публика, надо пожить в Петербурге. Представь себе, что двое литераторов приняли мою ругательную, наглую статью о романе Каменского за преувеличенную похвалу и наглую лесть Каменскому и упрекали за то Краевского. Вот вам и публика!»

В «Московском наблюдателе» Белинский писал о Каменском как «втором Марлинском» (см. наст. т., с. 347), беспощадно разоблачал риторическую выпренность его сочинений. Краевский, напротив, постоянно положительно отзывался о Каменском.

Став сотрудником изданий Краевского, Белинский, естественно, не мог открыто выступить против Каменского. Поэтому он воспользовался приемом, к которому неоднократно прибегал: написал отзыв внешне как будто бы положительный, даже похвальный, а по существу глубоко иронический.